

© 1998 г. Я.Г. ТЕСТЕЛЕЦ, С.Ю. ТОЛДОВА

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ
И ТИПОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВА

Грамматические свойства местоимений и содержащих их конструкций – область глубоких и нетривиальных сходств, наблюдаемых во всех языках, синтаксис которых изучен в достаточной мере. Исследование местоименных конструкций позволило сформулировать ряд важных обобщений, касающихся структуры и функционирования грамматических единиц. О необходимости учета свойств местоимений при установлении типологически значимых грамматических признаков писал Г.А. Климов [Климов 1977: 109–112]; универсальные корреляции между грамматическими свойствами личных местоимений, местоименных аффиксов и существительных были установлены в работах Дж. Гринберга [Гринберг 1970], М. Сильверстейна [Silverstein 1976], И.Ш. Козинского [Козинский 1980; 1995], А. Северской и Д. Баккера [Siewierska, Bakker 1996]; важный прогресс в разработке типологии анафорических местоимений связан с именами Т. Гивона [Givón 1983], У. Виземанн [Wiesemann 1988], А.А. Кибрика [Кибрик 1988] и других авторов.

Особый и неослабевающий интерес начиная с 1960-х гг. вызывает синтаксис возвратных местоимений. Исследователей не может не поражать очевидное сходство довольно сложных правил употребления рефлексивов, сходство, которое наблюдается между языками, предельно далеко отстоящими друг от друга ареально, генетически и типологически. Речь идет о некотором кластере встречающихся вместе грамматических признаков, который с удивительным постоянством (и с отклонениями в достаточно предсказуемых пределах) обнаруживается на самом разном материале.

Продолжая обсуждение темы, уже затронутой на страницах "Вопросов языкознания" в статье Е.А. Лютиковой [Лютикова 1997], мы постараемся показать, что наблюдаемые факты поведения рефлексивов в дагестанских языках являются критически важными для решения ряда принципиальных теоретических и типологических проблем, возникающих в связи с данной темой.

1. Состояние изучения проблемы. Рефлексивными (=возвратными) местоимениями, или просто **рефлексивами**, мы называем такие местоимения, которые могут употребляться анафорически и хотя бы в части таких употреблений требуют обязательного наличия антецедента, во-первых, грамматически приоритетного (например, подлежащего) и, во-вторых, находящегося в составе той же синтаксической единицы (например, предложения), в которую входит само местоимение. Так, русск. местоимение *себя* ((1) *Девочка_i видит себя_i в зеркале*) является рефлексивом, так как в (1) замена грамматически приоритетного антецедента (подлежащего) на неприоритетный или отсутствие антецедента делают предложение неправильным относительно соответствующей референциальной интерпретации, ср. (2) **Он показал мне_i себя_i на фотографии* (то есть в значении: (2') ***Он показал мне_i меня_j на фотографии*)¹. Чаще всего антецедент рефлексива – это подлежащее той предикации

¹ В соответствии с принятой практикой, именные группы, помеченные одним и тем же подписным референциальным индексом (например, *i* или *j*), обозначают один и тот же референт, а помеченные разными индексами – разные референты.

(= элементарного предложения, или клаузы), в которую входит сам рефлексив; при этом следует помнить, что есть языки и еще чаще – отдельные конструкции, в которых однозначное выделение одного из актантов в качестве подлежащего невозможно, затруднено (или же подлежащее выделяется, но не совпадает с антецедентом рефлексива)².

Значение рефлексивных местоимений для типологии и теории грамматики и, как следствие, огромное количество публикаций на эту тему объясняется несколькими причинами. Во-первых, рефлексивные местоимения в том понимании этого термина, который сложился при изучении индоевропейских языков, или единицы, близкие к ним по свойствам, обнаруживаются, по-видимому, почти во всех языках – примечательный факт, который сам по себе нуждается в объяснении. Во-вторых, известно, что рефлексивное местоимение "чувствительно" к грамматической структуре предложения: его поведение сигнализирует об иерархическом членении предложения и его границах, а также о важнейших различиях между разными грамматическими классами именных групп (далее – ИГ).

Так, рефлексивное местоимение и его антецедент обычно должны находиться в пределах одного и того же предложения, – предоставляя, таким образом, в спорных случаях критерий для определения его границ. Например, гипотеза, согласно которой каузативная конструкция состоит из одного, а не двух элементарных предложений [Gibson, Raposo 1986], может быть проверена по поведению рефлексивов. Если выясняется, что антецедентом рефлексива – элемента каузируемой предикации может быть и агенс каузирующей предикации, как это имеет место, например, в грузинском языке: (3) *ekim-ma_i vano-ja-lap'arak'-a tavistavze_{ijj}* "Врач(-эрг)_i Ван_j(ном.) (кауз.-)заставил-говорить(-аор.) о-себе_{ijj}" [Harris 1981 : 72], то можно заключить, что между первым и вторым не обнаруживаются границы элементарного предложения, которая блокировала бы употребление рефлексива с "дальним" антецедентом, ср. конструкцию с придаточным: (4) *ekim-ma_i vano-s stxov-a, rom imas_j tavistavze_{ijj} e-lap'arak'-a* "Врач(-эрг.)_i Ван_j(-дат.)_j попросил(-аор.), чтобы тот_j о-себе_{ijj} рассказал (-перф. II").

Приоритетный статус антецедента рефлексива в синтаксической структуре может также служить критерием наличия или отсутствия этого статуса. Так, в конструкции типа (5) *Водителю не видно встречных машин* одним из аргументов в пользу спорной точки зрения, что подлежащим является ИГ *водителю*, можно считать то, что эта ИГ может быть антецедентом рефлексива: (5') *Водителю не видно себя*; о таких конструкциях см. [Падучева 1983 : 7]. Возможность употребления рефлексивов в причастных, деепричастных и инфинитивных конструкциях – один из убедительных доводов в пользу наличия в них собственных подлежащих, несмотря на то, что эти подлежащие являются "нулевыми", или "фонологически пустыми", то есть лишенными означаемого: (6) *Попроси его [Ø; высказать свои_i соображения]*; (7) *Это занятие для людей, [Ø; не уважающих себя_i]*.

Как и другие виды анафорических местоимений, рефлексивы подчиняются правилам двух разных типов: это синтаксические и несинтаксические (дискурсные) правила. Синтаксическое правило разрешает или запрещает употребление местоимения в терминах позиций, занимаемых им самим или его антецедентом в синтаксической структуре. Например, ограничение, согласно которому антецедент не может находиться внутри сочиненной ИГ, если местоимение находится вне ее: (8) **[ИГ Маши_i и Лена] говорили про нее_i*, см. [Lasnik 1989], является примером синтаксического правила. Синтаксическое правило употребления рефлексива не связано, вообще говоря, ни

² О проблемах, возникающих в связи с выделением подлежащего на основании множества признаков грамматического приоритета (включая контроль рефлексивизации) см. [Кинэн 1982; Козинский 1983; Foley 1993; Napoli 1993, гл. 2]. По мнению А.Е. Кибрика [Кибрик 1979], в дагестанских языках (в том числе тех, которые будут ниже предметом нашего рассмотрения) нет оснований выделять подлежащее; подробнее о языках этого типа см.: [Кибрик 1992, часть III; Foley, Van Valin, 1984].

с выражением каких-либо значений, ни с необходимостью установления корреспондентных связей между двумя ИГ. Английские предложения (9a) *John brought me a present* и (9б) **John brought myself a present* "Джон принес мне подарок" никак не отличаются по семантике. Рефлексив 1 лица *myself*, являясь дейктической единицей, не нуждается для своей референциальной интерпретации в каком бы то ни было антецеденте. Однако грамматический класс, к которому принадлежит это местоимение, требует наличия антецедента определенного вида, и при его отсутствии предложение (9б) неправильно.

Несинтаксическое правило вовлекает понятия структуры текста, элементов речевого акта, текущей памяти коммуникантов, распределения внимания и т.п. Например, правило несинтаксического типа указывает, что референт анафорического местоимения должен находиться в фокусе внимания коммуникантов, а при смещении фокуса внимания меняется и референт: (10) *Француз; начал говорить много и скоро. Генерал; стал было его; поддерживать, но я рекомендовал ему; прочесть хоть, например, отрывки из "Записок" генерала Перовского* (Достоевский); (11) *Этого; не будет, это; никогда не произойдет, а если кто-то на это; надеется* – [и все эти происки, или эти извращения, или эти желания], – *все это; бесперспективно* (В.С. Черномырдин)); о таких правилах см. [Кибрик 1987]. Однако соотношение двух типов правил у рефлексивов не типично для большинства других анафорических местоимений. Если для простых анафорических местоимений типа *он* или *это* синтаксические правила в основном за пределами антецеденты определенного вида (например, сопредикатные актанты), то для рефлексивов синтаксические правила, наоборот, требуют наличия антецедента в некоторой синтаксической позиции. Соответственно этому удельный вес синтаксических правил употребления у рефлексивов значительно выше, чем у нерефлексивных анафорических местоимений, и даже сами факты дискурсного употребления рефлексивов оказались в сфере внимания исследователей сравнительно поздно, в основном после публикаций [Sells 1987] и [Zribi-Hertz 1989].

Основная масса работ по теории и типологии рефлексивов создана в теоретических рамках порождающей грамматики. Мы не можем здесь рассмотреть всю необозримую литературу по генеративному синтаксису, посвященную рефлексивам (читатель может воспользоваться достаточно полными и весьма содержательными обзорами М. Далримпл (с точки зрения оппонента порождающей грамматики [Dalrymple 1993]) и У. Харберта (взгляд сторонника генеративной теории [Harbert 1995]). Здесь мы ограничимся лишь кратким изложением основных результатов и нерешенных проблем, привлекая также материалы работ, проведенных в рамках других научных направлений.

Известно, что именно порождающей грамматике принадлежит приоритет в постановке задачи эксплицитного описания синтаксических правил употребления местоимений и в постановке проблемы универсальности рефлексива. Грамматические правила, определяющие возможные соотношения местоимения и его антецедента, были представлены в "стандартной теории" 1960-х гг. так же, как и другие случаи синтагматических зависимостей между дистантно расположенными элементами в составе предложения, то есть в виде трансформаций, а именно правил "рефлексивизации" и "прономинализации". Базовый компонент порождал структуры с совпадающими ИГ; затем при выполнении определенных условий одна из совпадающих ИГ заменялась на рефлексивное или простое анафорическое местоимение. Так, прономинализация превращала предложение (12) *Mary_i knows that John likes Mary_i* "Мэри_i знает, что Мэри_i нравится Джону" в (12') *Mary_i knows that John likes her_i* "Мэри_i знает, что она_i нравится Джону", а рефлексивизация, будучи применена к (13) *Mary_i likes Mary_i* "Мэри_i нравится Мэри_i", превращала его в предложение (13') *Mary_i likes herself_i* "Мэри_i нравится себе_i".

1.1. Рефлексивы в "теории связывания" Н. Хомского. С начала 1970-х гг. трансформационные правила ввода местоимений были отвергнуты как по эмпирическим,

так и по теоретическим соображениям (свод аргументации см. в [Wasow 1979]); о неэквивалентности понятий antecedenta и субститута см. также [Падучева 1985 : 143 и сл.]). Была принята так называемая "лексикалистская гипотеза" [Chomsky 1970], согласно которой никакая трансформация не может включать в себя замену одной лексемы на другую. Классическая лексикалистская теория анафоры [Chomsky 1980, 1981; Reinhart 1983], различает два вида отношений между ИГ-антецедентом и кореферентным ему анафорическим местоимением. Первое отношение – собственно к о р е ф е р е н т н о с т ь, которая может наблюдаться между двумя ИГ (из которых одна или обе могут быть выражены местоимениями), обозначающими один и тот же референт. Второе – заимствованное из логики понятие с в я з ы в а н и я – отношение между оператором и переменной, находящейся в сфере его действия. Кореферентность рассматривается как случай связывания, если в роли оператора выступает антецедент, а средством выражения переменной является анафорическое местоимение.

Необходимой для связывания сферой действия обладает только такая антецедентная ИГ, которая является подлежащим (соответственно, сферой действия антецедента является то предложение, подлежащим которого он является). Именная группа α считается, по определению, с в я з а н н о й антецедентом β , если β является подлежащим предложения, содержащего α и обе эти именные группы помечены одним и тем же референциальным индексом³. Таким образом, в ведении теории грамматики остается только "обязательная кореферентность" с сопредикатным подлежащим (у рефлексивов и реципроков) либо "обязательная некорееферентность" с ним (у простых анафорических местоимений); факторы, которые определяют другие референциальные свойства местоимений, являются, с точки зрения порождающей грамматики, не синтаксическими, а прагматическими.

По отношению к связыванию местоимения делятся на два класса: а н а ф о р ы (anaphors), которые должны быть связаны (то есть иметь антецедент-подлежащее) в пределах некоторой составляющей, в которую они входят, и п р о н о м и н а л ы (pronominals), которые требуют, чтобы в некоторой составляющей они, наоборот, не были связаны. Анафорами являются, например, возвратные и взаимные местоимения, а прономиналами – простые анафорические местоимения.

Классическая теория связывания в том виде, в котором она предстает в [Chomsky 1981], включает в себя два принципа, касающихся поведения местоимений – А и В, которые мы здесь вынужденно приводим в упрощенной редакции:

Принцип А. Анафора связан в своей предикации.

Принцип В. Прономинал свободен (т.е. не кореферентен антецеденту-подлежащему) в своей предикации.

В действительности принципы А и В содержат отсылку к более сложному понятию, чем предикация, а именно понятию "область связывания" (binding domain). Не вдаваясь в детали, можно добавить, что "областью связывания" может быть не только предикация, но и ИГ, если она содержит в себе собственное подлежащее (то есть агентивную или посессивную ИГ, которая является непосредственной составляющей включающей ИГ); в подтверждение этого тезиса обычно приводятся примеры как номинализованных (14), так и посессивных (15) именных групп, содержащих рефлексивы и реципроки: (14) *their criticisms of each other* "их критика друг друга"; (15) *John's book about himself* "Книга Джона о нем самом", где подлежащими генеративисты считают ИГ *their* "их" и *John's* "Джона" соответственно, ср. предложение (14') *They criticize each other* "они критикуют друг друга", структура которого аналогична структуре номинализованной ИГ в (14).

³ Ввиду недостатка места мы вынуждены огрубить исходные предположения теории связывания. В действительности речь идет не об отношении подлежащего и включающего его предложения, а о более общем структурном отношении "командования составляющих", или *c-command*, предложенного в работе [Reinhart 1981] как развитие понятия "командования", введенного еще в 1969 г. Р. Лангакером [Langacker 1969]. Для целей нашего изложения такое огрубление представляется допустимым. Достаточно подробное изложение теории связывания см. в [Бейлин 1997; Казенин и Тестелец 1997].

Таким образом, теория связывания Н. Хомского предлагает решения следующих проблем: универсальность деления местоимений на анафоры и прономиналы (следует из универсальности принципов А и В); наблюдаемое в языках дополнительное распределение анафоров и прономиналов; локальность (т.е. требование "ближайшего" antecedenta) у анафоров и нелокальность прономиналов; сходство в поведении местоимений в составе предикации и ИГ. Тем не менее эта теория не в состоянии объяснить многие важнейшие факты, наблюдаемые в языках. Рассмотрим некоторые из этих фактов.

1.2. Дистантные рефлексивы: проблема совмещения признаков. Наиболее важный типологический факт, открытый генеративистами в ходе разработки теории связывания – наличие во множестве языков не только локальных, но и "дистантных", или "дальних" рефлексивов (long-distance reflexives; синоним – non-clause-bound reflexives), то есть таких, antecedentом которых является актанта другой предикации (обычно им является подлежащее главной предикации, при том, что сам рефлексив входит в зависимую предикацию). Простейшим примером дистантного рефлексива может служить русск. *себя* – употребляясь в составе инфинитивного оборота, оно может иметь в качестве antecedenta как подлежащее инфинитивного оборота, так и подлежащее главной предикации: (16) *Преподаватель_i рекомендовал студентам_j [задавать себе_{ij} вопросы]*; (17) *Он_i не разрешает мне_j [производить опыты над собой_{ij}]*, см. [Падучева 1985 : 200; Rappaport 1986]. Ср. с этим строго локальный рефлексив *сам себя*: (16') **Преподаватель рекомендовал студентам [задавать сам себе вопросы]*; (17') **Он не разрешает мне [производить опыты сам над собой]*. Дистантные рефлексивы обнаруживаются также, например, в исландском языке: (18) *Pétur_i bað Jens um [að raka sig_i]* "Петер_i попросил Йенса [побрить себя_i]" [Thráinsson 1991]; в норвежском (19) *Jon_i hørte oss [snakke om seg_i // *seg selv]* "Йун_i слышал, как мы говорили о нем (букв.: себе_i) // *сам себе" [Hellan 1988]; в готском: (20) *þaiei; ni wildedun [mik þiudanon ufar sis_i]* "которые, не хотели, [(чтобы) я правил ими_i (букв.: самими)]" (Лк 19 : 27; примеры из: [Harbert 1995]).

Дистантные рефлексивы встречаются не только в инфинитивных оборотах, как в примерах (16–20), но и в финитных придаточных предложениях: маратхи (индоарийская группа) (21) *Tom_i mhanat hota [ki Sue ni aaplyaalaa; maarle]* "Том_i сказал, [что Сью его_i (букв.: себя) ушибла]" [Dalrymple 1993 : 20]; (22) исл. *Jón_i sagði [að ég hefði svikið sig_i]* "Йон_i сказал, [что я предал его_i (букв.: себя)]"; (23) итал. *Gianni_i pensava [che quella casa appartenesse ancora alla propria famiglia]* "Джанни думал, [что этот дом по-прежнему принадлежал его_i (букв. своей) семье]" [Giorgi 1983–4 : 316]; (24) *Zhangsan_i renwei [Lisi_j haile ziji_{ij}]* "Чжансань_i думал, [(что) Лисы_j поранил его_i // себя_j]" ; (25) япон. *Мери-ва_i [Дзён-га дзибун-о; никундэ иру то] омоттэ иру* "Мэри_i думает, [что Джон ненавидит ее_i (букв.: себя)]" [Manzini, Wexler 1987].

Наиболее интригующая загадка, связанная с дистантными рефлексивами, заключается в том, что их грамматические свойства образуют устойчиво повторяющийся по языкам пучок признаков. Первым (и определяющим) признаком является их нелокальность, то есть допустимость antecedenta вне включающей их минимальной предикации. Возникает вопрос, как объяснить наблюдаемое "расширение" области связывания – подлежит ли сама эта область межъязыковому варьированию, или она все же всегда локальна, а непредусмотренное теорией поведение дистантных рефлексивов объясняется какими-то другими причинами? Вторым признаком является их строгая ориентация на подлежащее (впервые отмечено у [Giorgi 1983–1984]): в то время как рефлексивы, употребленные локально, нередко имеют в качестве antecedenta неподлежащие ИГ (ср. русск. (26) *Эта черта характера ему_i в себе_j не нравилась*), для рефлексивов в дистантном употреблении неподлежащие antecedенты нехарактерны.

Третий признак заключается в том, что вместе с дистантными рефлексивами в

языках неизменно обнаруживаются и локальные рефлексивы, которые при этом обычно более сложны морфологически. Приведенные выше русские примеры (16–17) обнаруживают поразительно сходные параллели в других языках. Так, например, наряду с "дальним" рефлексивом *ziji* "себя" в китайском есть и морфологически более сложный рефлексив *ta-ziji*, букв. "он-себя", который, в отличие от первого, строго локален, ср. (24) и (27) *Zhangsan_i renwei [Lisi_j haile ta-ziji_{j/*i}]* "Чжансань_i думал, [(что) Лиси_j поранил сам-себя_{j/*i}]". Наряду с дистантным *zelf* в голландском обнаруживается локальное *zichzelf* [Reinhart, Reuland 1993]; кроме дистантного *дзibun*, в японском есть и морфологически более сложный локальный рефлексив *дзibun-дзисин*, ср. (25) и (28) *Таро: -ga_i дзibun-о_i // дзibun-дзисин-о_iсэмэта* "Таро_i обвинял себя_i," [Katada 1991]; в аварском имеется дистантный рефлексив *жив* и его дериват – локальный рефлексив *жив-го*, примеры см. ниже и т.д. Однако, например, в маратхи [Dalrymple 1993] и в дравидийском языке малаялам [Mohanar 1982] оба рефлексива – и локальный, и дистантный не являются дериватами друг друга; ср. также морфологически сложные дистантные рефлексивы *sich selbst* в немецком языке и *самого себя* в русском языке: (29) *Willi_i dachte, daß [Hans_j über sich_{ij} // sich selbst_{ij} gesprochen hat]* "Вилли_i думал, что Ганс_j говорил о себе_{ij}" (пример из: [Katada 1991 : 310]; (30) *Он_i попросил [сфотографировать самого себя_i]*. Такие примеры представляют собой едва ли разрешимую трудность для тех авторов, которые пытаются объяснить нелокальность дистантных рефлексивов их морфологической элементарностью [Katada 1991; Reinhart, Reuland 1993]. Все же в доступной нам выборке языков не обнаруживается ни одного примера того, чтобы морфологически или синтаксически более сложный рефлексив был дистантным, а морфологически простой – локальным.

Четвертый признак – наблюдаемое во многих языках отсутствие дополнительного распределения между локальными и дистантными рефлексивами, а иногда – между дистантными рефлексивами и простыми местоимениями. В самом деле, в локальном употреблении наблюдается варьирование дистантных и локальных рефлексивов: (31) *Он видит себя_i // сам себя_i // *его_i*, а в дистантном – варьирование дистантных рефлексивов и простых местоимений: (32) *Они_i никому не позволят [вмешиваться в свои_i // их_i дела]*. В языке маратхи наблюдается даже включенная дистрибуция дистантного рефлексива *aapāi* с простым местоимением *to*, то есть во всех случаях, когда допустим дистантный рефлексив, допустимо и простое местоимение с той же референцией (но обратное неверно), см. [Dalrymple 1993].

Наконец, пятый признак заключается в том, что даже в тех языках, где дистантные рефлексивы редко или вовсе не допустимы в локальных употреблениях, они могут выступать с сопредикатным антецедентом, но при этом не являются актантами того же самого предиката, а являются либо сирконстантами, либо составляющими актантов [Reinhart, Reuland 1993]. Будем называть такие позиции рефлексива "некоаргументными", ср. в норвежском языке (33) *Jon_i foraktet seg selv_i // *seg* "Йун_i презирает себя_i"; (34) *Jon_i fortalte meg om seg selv_i // *seg* "Йун_i рассказал мне о себе_i"; (35) *Hun_i kastet meg fra seg_i // ??seg selv* "Она_i (от)швырнула меня от себя_i" [Hellan 1988]; (36) маратхи (*swataah* – локальный рефлексив, *aapāi* – дистантный):

*Jane_i ne swataahlaa_i // *aapyaalaa baḍavle*
 Джейн, ЭРГ себя. АКК_i // *себя. АКК побила
 "Джейн себя побила";

- (37) *Jane_i ne swataahkartaa_i // applyaakartaa_i // ticyakartaa_i saādī*
 Джейн, ЭРГ для. себя_i // для. себя_i // для. нее_i сари
ghet li
 купила
 "Джейн купила для себя сари" [Dalrymple 1993].

Обратим внимание еще на два факта, связанных с некоаргументными позициями. Во-первых, в этих позициях может иметь место запрет на употребление локальных рефлексивов: (38) *Он; положил ружье рядом с собой; // *рядом сам с собой // *сам рядом с собой* [Лютикова 1997 : 64–65]. Во-вторых, в этих же позициях могут выступать и простые местоимения: (39) *John; saw the gun near him;* "Джон; увидел ружье рядом с собой;" [Reinhart, Reuland 1993]. Интуитивно очевидна взаимосвязь между тремя указанными фактами поведения местоимений в некоаргументных позициях, и ниже будет предложен способ единой трактовки этой взаимосвязи.

Первый подход к объяснению проблемы дальних рефлексивов исходит из того, что признак, определяющий область связывания для отдельных языков и даже для разных местоименных элементов в одном и том же языке может принимать различные значения [Yang 1983; Borer 1984; Rappaport 1986; Manzini, Wexler 1987 и др.]. Второй подход исходит из того, что "дальние" рефлексивы не являются ни анафорами, ни прономиналами в том смысле, который приписывает этим понятиям теория связывания, и поэтому их поведение не противоречит теории [Anderson 1983; Giorgi 1983–1984; Iatridou 1986; Sportiche 1986; Vikner 1985; Епс 1989 и др.]. На этих двух путях, однако, исследователя подстерегает опасность постулировать особое значение признака области связывания или особый синтаксический класс для каждого типа местоимений, не укладывающегося в теорию и таким образом делать ее фактически непроверяемой. Третий, наиболее популярный сейчас, подход объясняет поведение "дальних" рефлексивов, устанавливая локальное отношение между ними и их антецедентом, возникающее в результате "скрытого" передвижения в духе работы [Huang 1982] и последовавших за ней версий порождающей грамматики; однако и этот подход имеет свои трудности, см. ниже. Четвертый подход (вне порождающей грамматики) представлен работой [Лютикова 1997]; морфологическую сложность локальных рефлексивов Е.А. Лютикова рассматривает как результат грамматикализации средств эмфатического выделения, причем необходимость такого выделения именно в локальном контексте объясняется с позиций когнитивного подхода условиями действия механизма "коррекции ожиданий адресата".

Особо важный с точки зрения типологии результат в рамках первого направления получен М. Мандзини и К. Уэкслером [Manzini, Wexler 1987]. Мандзини и Уэкслер предполагают, что ограничения на связывание принимают различные значения для различных лексических единиц, называя это "гипотезой лексической параметризации" (с. 434). Авторы отмечают, что область связывания для разных местоимений может определяться как минимальная предикация (или ИГ), содержащая: 1) подлежащее; 2) любую категорию, специфически свойственную финитному глаголу; 3) категорию времени; 4) категорию "референциального" времени; так авторы называют не-таксисные формы, интерпретируемые независимо от времени глагола главного предложения; 5) категорию "корневого" времени, которая обнаруживается только в глаголе главного предложения. Для английского рефлексива *himself* область связывания есть минимальная предикация (или ИГ), содержащая подлежащее. Для датского дистантного рефлексива *sig* выбирается область в соответствии с признаками 3), и поэтому это местоимение может быть свободно в инфинитивном обороте, в котором не выражена финитная категория времени. Область связывания для исландских рефлексивов выбирается в соответствии с признаком 4), так как они могут быть связаны через границу придаточного с глаголом-сказуемым в субъюнктиве. Наконец, японский рефлексив *дзibun* должен быть связан только в рамках "корневого" предложения.

К подходу Мандзини и Уэкслера примыкает и подход М. Далримпл, которая, работая в теоретических рамках "лексико-функциональной грамматики" Дж. Бреснан и Р. Каплана (см.: [Bresnan, Kaplan 1995]), разграничивает "минимальную полную ядерную область" (соответствует признаку 1 Мандзини и Уэкслера), "минимальную финитную область" (соответствующую 3) и "область корневого предложения" (соот-

ветствующую 5). Далримпл отмечает, что у этих авторов отсутствует еще одно важное значение признака – "сопредикатная область" (включающая актанты одного предиката), необходимость которого она обосновывает, исходя из данных языка маратхи (это проиллюстрировано в (36–37)).

Таким образом, Мандзини и Уэкслер получили научный результат, сопоставимый с уже известными типологическими иерархиями вроде "иерархии Сильверстейна" [Silverstein 1976] или "иерархии Кинэна–Комри" [Кинэн, Комри 1982], которые представляют собой цепочку эмпирических обобщений – импликационных универсалий типа: "если особая форма эргатива есть у личных местоимений 1 и 2 лица, то она есть и у прочих местоимений"; "если особая форма эргатива есть у местоимений, то она есть и у личных имен"; "если особая форма эргатива есть у личных имен, то она есть и у одушевленных" ... и т.п. Естественный путь объяснения таких иерархий заключается в соотнесении их с некоторой градуальной способностью (например, к синтаксическому анализу релятивных оборотов в зависимости от степени их сложности в случае иерархии Кинэна–Комри), которая может принимать различные значения для разных языков [Hawkins 1994].

В работах третьего направления делаются попытки (впервые у [Pica 1987]) объяснить факт "дального" связывания рефлексивов через понятие скрытого передвижения. Как полагают эти авторы, отношение между дистантным рефлексивом и его антецедентом является локальным (как это и предусмотрено теорией), однако локальность возникает в результате ненаблюдаемого грамматического процесса – "скрытого" передвижения рефлексива из зависимой предикации в главную на уровне "логической формы" (интерпретационный уровень, на котором структурные отношения между языковыми единицами изоморфны их логическим отношениям). С использованием ряда "внутритеоретических" доводов объясняется морфологическая простота дистантных рефлексивов и невыраженность в них категорий лица, числа и рода, а также ориентация на подлежащее: дистантные рефлексивы якобы всегда представляют собой морфологически дефектные и синтаксически элементарные объекты – терминальные категории, а не именные группы; передвижение в главную предикацию мотивируется тем, что им необходимо "получить" недостающие грамматические признаки от "главного" подлежащего [Reinhart, Reuland 1993; Bailyn 1992; Cole, Wang 1996 и др.]. Чтобы предположение о скрытом передвижении не выглядело как чисто произвольное, его обосновывают, указывая на наличие барьеров ("загораживающих" элементов) между антецедентом и дистантным рефлексивом. Особенно подробно в этом отношении исследован дистантный рефлексив *ziji* в китайском языке (см. выше (24); [Tang 1989; Battistella 1989; Cole, Hermon, Sung 1990; Huang, Tang 1991]).

Мотивация "дистантного" передвижения рефлексивов, исходящая из их морфологической дефектности и синтаксической неразложимости должна быть признана совершенно неудовлетворительной даже по чисто эмпирическим соображениям. Дистантные рефлексивы в дагестанских языках обладают полноценной морфологической парадигмой, изменяясь по падежу, числу и согласовательному классу (см. ниже). Известны также и синтаксически неэлементарные дистантные рефлексивы (29–30), и морфологически простые локальные рефлексивы (36).

1.3. Дистантные рефлексивы: проблема запрета локальных употреблений. Нужно в объяснении и тот факт, что многие дистантные рефлексивы не могут выступать в локальном контексте, ср. выше (33) и (36). Некоторые дистантные рефлексивы не только могут, но и должны иметь антецеденты, отличные от "близлежащего" подлежащего. Поэтому, как отмечает С. Викнер [Vikner 1985], они (по определению) ведут себя скорее как прономиналы. Такие местоимения отмечались в малайлам [Mohanan 1982], в языке догриб атапаскской семьи [Saxon 1984], новогреческом [Patridou 1986] и голландском [Huysbregts 1979]; по нашим данным, именно таковы дистантные рефлексивы в аваро-андийских языках, см. ниже. От настоящих прономиналов они, впрочем, отличаются ориентацией на подлежащее и недопустимостью дейктических

употреблений [Thráinsson 1991: 50]. Р. Хейбрегтс и С. Ятриду предполагали, что это особый тип местоименного элемента, который, соответственно, требует особого ограничения в теории. Однако, как было уже отмечено выше, простое увеличение числа теоретических допустимых разрядов местоимений и/или принципов, регулирующих их поведение, не является перспективным путем объяснения наблюдаемых фактов.

1.4. Проблема дистантных прономиналов. Итак, дистантные рефлексивы нарушают принцип А теории связывания в его “классической” редакции. Параллельное нарушение принципа В, то есть запрет на связывание прономинала придаточного предложения подлежащим главного, встречается значительно реже, например, в исландском (но не в датском и не в русском): (40) *Pétur_i bað Jens_j um [að raka hann_{k/*i/*j}]* “Петер_i попросил Йенса_j [побрить его_{k/*i/*j}]”. Другой пример дистантного прономинала – местоимение *eða* “он, тот” в сванском языке, которое избегает позиции кореферентности какому бы то ни было подлежащему (ср. дистантный рефлексив *mič* и локальный рефлексив *txwim*): (41) *wanos_i čixoxa zurab_j eða-s_k/mič_i/txwim-s_j mām xoŋwrewi* “Вано_i знает, что Зураб_j его_k/ его_i/ себя_j (акк.) не обманет”. Аналогичным образом ведут себя местоимения 3 лица в андийских, цезских и цахурском языках (см. ниже). Сторонники гипотезы “ненаблюдаемого передвижения” рефлексивов вынуждены трактовать и случаи дистантной зависимости прономиналов как результат передвижения [Hestvik 1991], что, на наш взгляд, создает непреодолимые трудности в анализе этих конструкций.

1.5. Проблема несинтаксических употреблений. В последние годы появилось множество исследований, посвященных таким употреблением рефлексивных местоимений, которые никак не могут быть представлены в виде чисто синтаксических правил. Прежде всего это рефлексивы, которые могут употребляться таким образом, что их антецедент не соблюдает никаких синтаксических ограничений (например, не является подлежащим или входит в предложение, синтаксически не связанное с данным), однако при этом либо означает фокус эмпатии – лицо, “с точки зрения которого” ведется речь (подробнее о понятии “фокус эмпатии” см. в [Kuno 1987]), либо употребляется в роли дискурсивных элементов, выражая “коррекцию” ожиданий адресата [Edmondson, Plank 1978; Кибрик, Богданова 1995; Лютикова 1997 и др.]. Так в исландском примере (42) *María var alltaf svo andstyggileg. Þegar Ólafur_i kæmi segði hún sér_{i/*j} áreiðanlega að fara...* “Мария была всегда такой неприятной. Когда приходил Олаф_i, она обязательно просила его_{i/*j} (букв.: себя) уйти” рефлексивное местоимение *sér* обозначает референт, совпадающий не с референтом собственного подлежащего (“Олаф”), и не с референтом подлежащего главного предложения (“Мария”), а... с говорящим, так как в тексте, частью которого является (42), излагаются его чувства и мнения по поводу описываемых событий: [Thráinsson 1991]. Другой пример подобного несинтаксического употребления в английском: (43) *The young man, whose name was Robert Jordan, was extremely hungry and he was worried. He was often hungry, but he was not often worried because he_i did not give any importance to what_j happened to himself_i* (Е. Hemingway) “Молодой человек, которого звали Роберт Джордан, был крайне голоден, и он был обеспокоен. Он часто бывал голоден, но не часто – обеспокоен, потому что он_i не придавал значения тому, что_j происходило с ним самим_i.” [Dalrymple 1993; Zribi-Hertz 1989]. По предложению П. Селлза [Sells 1987], такие употребления рефлексивов стали называть логофорическими (по аналогии с термином “логофорические местоимения” в африканистике⁴). Наиболее интересным нам здесь кажется тот факт, что логофорические употребления допустимы

⁴ Например, в языке эве (семья нигер-конго) наряду с обычными рефлексивами и личными местоимениями употребляются особые местоимения “с целью отграничить референцию к тому лицу, чья речь, мысли или чувства излагаются или отражаются в данном языковом контексте, от референции к другим лицам” [Clements 1975: 141].

не во всех синтаксических позициях. Например, в английском языке логофорическое употребление рефлексива возможно, если он вложен в группу дополнения (44а), но невозможно, если он сам является дополнением (44б); в последнем, но не в первом, случае наличие перспективного антецедента-подлежащего “блокирует” логофорическое употребление: (44) а. *Lucie's_i eyes watched eagerly a new picture of herself_i in the paper* “Глаза Люси_i с интересом рассматривали ее_i новую фотографию в газете”; б. **Lucie's_i eyes watched herself_i in the mirror with new eagerness* “Глаза Люси_i рассматривали ее_i (букв. себя) в зеркале с новым интересом” [Reinhart, Reuland 1991; 1993].

Ниже мы постараемся показать, что наблюдаемые в языках ограничения на употребление локальных и дистантных рефлексивов, а также простых местоимений не могут быть исчерпывающе сформулированы в терминах одной или нескольких категорий, обладающих необходимым и достаточным набором грамматических свойств. Необходимыми и всеобщими являются, скорее всего, лишь определенные импликационные соотношения свойств дистантных рефлексивов и других местоименных элементов – локальных рефлексивов и прономиналов.

2. Рефлексивы в дагестанских языках⁵. По своей морфологической структуре рефлексивы в дагестанских языках могут быть подразделены на простые и сложные, причем, как и в других языках, сложные рефлексивы локальны, а простые обнаруживают способность к дистантному употреблению. Простые рефлексивы состоят из корня и (в большинстве языков) также классно-числового аффикса, который выражает согласование с антецедентом по этим категориям; они также могут различать числовые формы. Сложные рефлексивы образуются присоединением к простым рефлексивам особой частицы (обычно она имеет в других контекстах выделительное значение); кроме того, сложные рефлексивы могут представлять собой удвоение простых рефлексивов таким образом, что первый рефлексив оформлен падежом антецедента, а второй – падежом мишени (типа русск. *сам себя*). Вначале мы рассмотрим поведение локальных и дистантных рефлексивов в языках аваро-андийской группы, а затем – типологически необычные свойства рефлексива *иш* в цахурском языке (лезгинская группа).

2.1. Аваро-андийские языки. В аваро-андийских языках обнаруживаются дистантные рефлексивы с суффиксальной позицией для числовых и классно-числовых показателей, которые выражают согласование с антецедентом. В аварском это местоимения *жи-в* I кл. ед.ч.; *жи-й* II кл. ед.ч.; *жи-б* III кл. ед.ч.; *ж-ал* мн.ч.; косвенные падежные формы образуются от основы *жи-нди-* в единственном и *жи-де-* во множественном числе. В годоберинском дистантными рефлексивами являются *ži-w* I кл. ед.ч.; *ži-j* II кл. ед.ч.; *ži-b* III кл. ед.ч.; косвенные падежные формы образуются от супплетивной основы *in-*: *in-šu-ti* “(-косв. осн.-дат.п.). В багвалинском имеется местоимение *e-w* I кл.ед.ч.; *e-j* II кл. ед.ч.; *e-b* III кл. ед.ч.; *e-ba* I–II кл. мн.ч.; *e-r* III кл. мн.ч.; в косвенных формах используется та же основа, что и в годоберинском: *in-šu-r* эрг.п. I кл. ед.ч., *in-ti-r* эрг.п. II–III кл. ед.ч. и т.д.

Сложный локальный рефлексив образуется присоединением к дистантному рефлексиву выделительной частицы (в аварском языке – *-го*, в андийских языках – *-da*): в аварском – *жи-в-го*, *жи-й-го*, *ж-ал-го* и т.д.; в годоберинском – *ži-w-da*, *ži-j-da*, ... *in-šū-ta* (< **in-šu-ti-da*) и т.д.; в багвалинском – *e-w-da*, *e-j-da*... *in-šu-r-da* и т.д. Тот же показатель образует рефлексивные местоимения 1 и 2 лица от соответствующих нереплексивных, ср. авар. (45) а. *Гье-с дир васас-да тунк-ана* “Он (эрг.) моего сына

⁵ Большая часть материала по дагестанским языкам была собрана авторами в Дагестанских лингвистических экспедициях МГУ 1993–1997 гг., возглавляемых А.Е. Кибриком и осуществлявшихся при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и фонда INTAS. Особая благодарность нашим информантам, в особенности М.-К. Гимбатову (аварский язык) и И. Мамедову (цахурский язык).

(= лок.) ударил (аор.)”; б. *Ди-ца дир-го* (*дир)вас-асда тунк-ана” Я (эрг.) своего (рефл.; букв.: “моего-же”) сына(-лок.) ударил (аор.)”.

В сопредикатной позиции употребляется только локальный рефлексив при любой падежной рамке (модели управления) глагола-сказуемого:

- (46) авар. *Пали-ца жи-в-го*// *жив лъукъ-ана
Али- сам-I-же// *сам-I ранить-АОР
ЭРГ

“Али себя поранил”

- (47) авар. *Вас-асда жи-в-го*// *жи-в матIуя-лъув вихъ-ана
мальчик-ЛОК сам-I-же *сам-I зеркало-ЛОК видеть-АОР
“Мальчик увидел себя в зеркале”

- (48) годоб. ‘ali in-šū-č ‘u-da// *in-šū-č ‘u buž-id-a
Али сам-КОСВ-ЛОК- *сам-КОСВ-ЛОК верить-ОБЩ
же//
“Али верит себе”

- (49) годоб. ‘ali-di in-šūta// *in-šū-ḥi qiča
Али- сам-КОСВ.ДАТ.же// *сам-КОСВ- книга.НОМ
ЭРГ ДАТ

ik-i
дать-АОР

“Али себе книгу подарил”;

В тех же позициях, что и сложный рефлексив, факультативно употребляется и двойной рефлексив типа русск. *сам себя*, состоящий из двух сложных рефлексивов – один в падеже antecedenta, второй в собственном падеже рефлексива, например:

- (50) авар. *Пали-ца жин-ца-го жи-в-го лъукъ-ана*
Али-ЭРГ сам-ЭРГ- сам-I-же ранить-АОР
же

“Али сам себя поранил”

Примечательной особенностью годоберинского языка является то, что в нем наблюдается предпочтение двойного рефлексива в позиции прямого дополнения при глаголе с эргативно-номинативной падежной рамкой:

- (51) годоб. ‘ali-di inšo-da ži-w-da (> ži-w-da) w-ukū-da
Али- сам.ЭРГ-же сам-I-же (сам-I-же) I-поймать-
ЭРГ ВСП

“Али сам себя поймал”

В той же позиции двойной рефлексив обязателен и в бежтинском языке, который относится к цезской группе (генеалогически наиболее близкой аваро-андийским языкам): (52a) *hokco hini-zu ži iL'e-jo* “Он(эрг.) сам(эрг.– же) себя(ном.) убил(-аор.)” при неграмматичности (52б) **hokco ži iL'e-jo* без рефлексивной копии подлежащего; ср. допустимость этого при другом типе конструкции (53) *hokco-l ži c'ik'a-li' egā-jo* “Он(-дат.) себя в-зеркале(-лок.) увидел”.

В составе зависимых предикаций – причастных (54–56), инфинитивных (57–58) и масдарных (59) оборотов при кореферентности некоторой ИГ подлежащему главному предложения используется, как правило, сложный рефлексив, но иногда допус-

тим и простой:

- (54) авар. [Жи-в-го// ?жив в-укI-ара-б бак I] лъа-чlo Гали-да;
 Сам-I-же //?сам I-быть- место знать- Али-ЛОК
 ПРИЧ-III ОТР.АОР

“Али, не знал, где он_i находится { букв.: сам бывшее-в место не знал}”

- (55) авар. До-сие; й-окъ-ула [жин-да-го; /жин-да
 он- II-нравиться-ОБЩ сам-ЛОК-же /сам-ЛОК
 ДАТ
 асклой яхъ-ун чI-ун й-иге-й] яс
 возле встать-ДЕЕПР стоять-ДЕЕПР II-ВСП. девушка
 ПРИЧ-II

“Ему_i нравится девушка, которая стоит (букв.: “стоящая”) возле него_i”

- (56) багв. ima-šur [in-šur-da/ *in-šur žo-b]
 отец-ЭРГ сам-ЭРГ-же/ *сам-ЭРГ строить.ПРИЧ.-III
 awal ičibeta
 дом продать.АОР

“Отец продал дом, который (сам) построил”.

- (57) багв. jašu-la_i q'oča-mo ek'o'a [ima-šur e-j-da_i/ e-j_i wešiša]
 дочь-ДАТ хотеть- ВСП отец-ЭРГ сам-II-же/ сам-II хвалить.
 ПРЕЗ ИНФ

“Дочь_i хочет, чтобы ее_i отец похвалил”

- (58) ʼali-ti_i qo'araʼ-anda [ži-w-da_i // *ži-w
 годоб. Али-ДАТ хотеть-ВСП [сам-I- // *сам-I
 же

maXačkala-jalda w-un-i]
 Махачкала-ЛОК I-поехать-ИНФ]

“Али_i хочет (сам_i) поехать в Махачкалу”

- (59) wašu-ra_i biʼata-da [ži-w-da_i/ ži-w_i
 годоб. мальчик- знать-ВСП сам-I-же// сам-I
 АФФ
 maXačkala-jalda w-un-i-Libu w-uk'-ir
 Махачкала-ЛОК I-поехать-ИНФ- I-быть-МАСД
 БУД.ПРИЧ

“Мальчик_i знает, что он_i поедет в Махачкалу”

Единственными финитными зависимыми конструкциями в дагестанских языках (то есть такими, вершинами которых являются сказуемые в формах, употребляемых также и в независимой предикации) можно считать конструкции косвенной речи и косвенного вопроса, которые маркируются особыми “цитатными” показателями -an// -ян и -али в аварском, L'и в годоберинском, -Re в багвалинском языке. Хотя эти показатели в таких случаях выступают в роли подчинительных союзов, они, вообще говоря, не являются союзами, так как обладают более широкой дистрибуцией, свойственной частицам. В финитных зависимых предикациях допустим только простой рефлексив, который выражает кореферентность с подлежащим главного предложения; обозначение лиц коммуникантов (не обозначенных рефлексивом) может

совершаться как при прямой речи (64):

- (60) авар. Инсу-ца_i вас-асда_j аб-уна
отец-ЭРГ сын-ЛОК сказать-АОР

[жиндир_i// жиндир-го_j кучIдул цIале-йилан]
[свой// свой-же стихи читать.ИМП-ЦИТ]

“Отец велел сыну, прочитайте свои_i // свои_j стихи”

- (61) авар. [Жи-в (*жи-в-го) ки-в в-уге-в-али] лъа-л-аро
[сам-I (*сам-I-же) где-I I-быть-I-ВОПР] знать-ОБЩ-ОТР

Гали-да
Али-ЛОК

“Али не знает, где он (есть) [букв.: “где сам есть-ли”]”

- (62) авар. [Жин-да-йиц, хIохъо-да-йиц, клалъ-але-в в-уге-в-али,]
[сам-ЛОК-ли чурбан-ЛОК-ли говорить-ПРИЧ-I I-быть-I-ВОПР]
гIин-цин тIам-ичIо до-с
ухо-даже двинуть-ОТР.АОР он-ЭРГ

“Ему ли, чурбану ли говорят (словно), он и ухом не повел”

- (63) ‘ali-di_i hiL’-i [wač̣u-di_j in-ṣ̌u-ti_i// in-ṣ̌u-ta_j]
годоб.

Али-ЭРГ сказать-АОР [брат-ЭРГ сам-КОСВ-ДАТ// сам-КОСВ-ДАТ.же

hanq_o’abe raX-i-Libu-L’u]
дом купить-ИНФ-ПРИЧ.БУД-ЦИТ]

“Али, сказал, что брат_j купит ему_i // себе_j дом”

- (64) багвал. ‘ali-r w-esis-iraX ek_o’a ‘umari-la [e-w
Али-ЭРГ I-хвастаться-ПРИЧ ВСП Омар-ДАТ сам-I
du-č’ herič’o-w-Re]
ты-ЛОК бояться.ОТР-I-ЦИТ

“Али, хвастается Омару, что он_i его (букв.: тебя) не боится”

В зависимых предикациях в аварском (но не в годоберинском и не в багвалинском) для обозначения актанта, кореферентного подлежащему главной предикации, может быть использовано и простое анафорическое местоимение (прономинал); при этом оно, в отличие от рефлексива, может иметь и другой антецедент (или не иметь никакого). Двойной рефлексив в зависимой предикации, кореферентный подлежащему главной, недопустим:

- (65) авар. МухIаммад-ие_i р-окъ-ул-аро
Магомед-ДАТ МН-любить-ОБЩ-ОТР
[жин-да-го_i/ жин-да_j/ (*жинд-ие-го жин-да-го)
сам-ЛОК-же/ сам-ЛОК (*сам-ДАТ-же сам-ЛОК-же)
(/гье-сда_{i,j}) р-ичIчI-ул-ар-е-л] харб-ал
он-ЛОК МН-понимать-ОБЩ-ПРИЧ- разговор-МН
МН

“Магомед_i не любит разговоров, которые ему_i (/ему_{i,j}) непонятны”

(66) авар. Гали-ца_i аб-уна вац-ас жинд-ие_i /гъес-ие_{i,j} мина
Али-ЭРГ сказать-АОР брат-ЭРГ сам-ДАТ /он-ДАТ дом

бос-ан-илан

купить-АОР-ЦИТ

“Али_i сказал, что брат купит ему_i / ему_{i,j} дом”

Итак, в аваро-андийских языках наблюдается следующего вида распределение различных видов рефлексивных местоимений. Морфологически простой дистантный рефлексив употребляется в составе финитных зависимых предикаций и реже – в составе нефинитных. Морфологически более сложный локальный рефлексив употребляется в случаях сопредикатной кореферентности с подлежащим, кроме случая эргативно-номинативной падежной рамки в годоберинском языке (51). В последнем случае используется двойной рефлексив, который, кроме того, допустим и в сопредикатном употреблении, но (в отличие от сложного рефлексива) невозможен в составе нефинитной предикации (60).

2.2. Цахурский язык. Поведение местоимения *wuʒ* (I, III кл.; *jiʒ* II, IV кл.; *ʒo* мн.ч.; *ʒu*-косв. осн. I кл. ед.ч.; *ʒe*- то же II кл.; *ʃi*- то же III–IV кл.) в цахурском языке оказывается едва ли не сенсационным в свете сложившихся представлений о типологии рефлексива. Это весьма частотное анафорическое местоимение цахурского языка не имеет никаких позиционных ограничений на употребление, – по крайней мере, в речи значительной части информантов. Оно обнаруживает свойства локального рефлексива, употребляясь сопредикатно с антецедентом-подлежащим. В этой позиции оно свободно варьирует с двойным рефлексивным местоимением *wuʒ-ē wuʒ* “сам(-эрг.) себя(ном.)”:

(67) *rasuʃ-ē wuʒe: ʒu-kʃ ʒu-k Xiʃ qet-u*
Расул-ЭРГ сам-ЭРГ сам-ЛОК// сам-ЛОК рука трогать-АОР
“Расул дотронулся до себя рукой.”

(68) *rasuʃ iʃaʃ-ina (wuʒ) ʒu-qa i naX,ar-ēnʃe*
Расул смотреть-АОР (сам) сам-ЛОК зеркало-ЛОК
“Расул сам на себя посмотрел в зеркало”

В позиции прямого дополнения при эргативно-номинативной падежной рамке, в особенности при двухвалентных глаголах, часть информантов с трудом допускает рефлексивную интерпретацию *wuʒ*, предпочитая двойной рефлексив:

(69) *rasuʃ-ē i wuʒ-ē wuʒi// ?wuʒi jaralamiʃaʔ-u*
Расул-ЭРГ сам-ЭРГ себя// ?себя поранить-ПРФ
“Расул_i сам себя_i поранил”

Местоимение *wuʒ* употребляется также во всех позициях, типичных для дистантного рефлексива. В этих позициях двойной рефлексив недопустим. Во-первых, это некоаргументная позиция:

(70) *gade-jkʼle Gaʒ-ejn dal ʒu-ni kʼanē*
мальчик-АФФ видеть-ПРФ палка сам-АТР возле
“Мальчик увидел палку возле себя”

Во-вторых, это позиция любого актанта или сирконстанта в зависимой предикации – в причастном (71), масдарном (72) и инфинитивном (73) обороте, а также в финитной предикации, выражающей косвенную речь (74):

(71) [*wuʒ-ē i muRuʒaʔ-ini gade-jka mahlamadi saʃXunna*]
сам-ЭРГ разбудить-АТР мальчик-КОМ Магомед побить.ПРФ
“Магомед_i подрался с мальчиком, которого он_i разбудил”

- (72) *bajram-is_i q'abīḫ-aḡn [allī-k'le wuḷ_i Gaḷe-j]*
 Байрам-ДАТ нравиться-ИПФ Али-АФФ сам видеть-МАСД
 “Байраму; нравится, что Али его; видит”
- (73) *[ḷe-si kumaghaʔ-as] jed-ēi jiš qort'ulna*
 сам-ДАТ помогать-ИНФ мать-ЭРГ; дочь звать.ПРФ
 “Мать; позвала дочку себе; помочь”
- (74) *[rasuḷ-ē-jī malhammad-ē]_i iwhojn Ru ḷo_i aldamīṣawʔ-i-mi*
 Расул-ЭРГ-и Магомед-ЭРГ говорить.ПРФ ты сам.МН обманывать-
 ПРФ-ЦИТ
 “[Расул и Магомед]; сказали, что ты их; обманул”

Употребляясь в качестве аппозитивного определения в составе ИГ, *wuḷ* чрезвычайно близок по семантике к русскому дискурсивному *сам*, обозначая “коррекцию ожиданий” адресата [Лютикова 1997]:

- (75) *ḷu-ṣe malʔallim-iṣe ḍal-wḫ-u haḷlāʔ-as pīrmer*
 сам-ЛОК учитель-ЛОК ОТП-мочь-ПРФ решить-ИНФ пример
 “Сам учитель не мог решить пример”

Интересно, что *wuḷ* может сохранять эту последнюю функцию и когда употребляется как прономинал (см. ниже), то есть или дейктически (76), или когда его антецедентом является не сопредикатное подлежащее (77). В этих позициях нулевая анафора или обычные прономиналы (*haḡmana*, (*ha*)ṣena, (*ha*)ina “он, тот” не несут присущей *wuḷ* дискурсивной семантики: (76) *wuḷ iḷozur-or* “(Вон он) сам стоит(-през.)”; (77) *all-ē anwar getu, wuḷ-ur geṣuna* “Али(-эрг.) Анвара побил {и} сам(-же) заплакал”.

Наконец, неудвоенный *wuḷ* употребляется и во всех позициях, свойственных прономиналу, например, (67) может значить “Расул; дотронулся до него; рукой”, а (68) – “Расул; посмотрел на него; в зеркало”. Кроме позиций, проиллюстрированных также в (76–77), он может, например, употребляться и при антецеденте в другом предложении того же отрезка текста (78)⁶, или, находясь в главном предложении, иметь антецедент в зависимом (79).

- (78) *sa XIamdē temraz_i hark'in-o-r ṣek-ēqa.*
 один ночью Темраз идти.ПРФ-ВСП-I Шеки-ЛОК
ḷu-qab_i mā dost-ār kar-bi awajke wuxa.
 сам-ПОСС там друг-МН дело-МН находить ВСП.ПРФ

“Однажды ночью Темраз; пошел в Шеки. У него; там имелись друзья [= там у него друзья-дела нашлись]”.

- (79) *bajram-iqad_i pīl deṣ-wī ḷu-ṣe_{i,j} k'eletXīnin*
 Байрам-ПОСС деньги нет-ЦИТ сам-ЛОК забыть.ПРФ
 “Что у Байрама; нет денег, он_{i,j} забыл”

Таким образом, местоимение *wuḷ* не подчиняется почти никаким синтаксическим ограничениям, и тем интересней выяснить, каков несинтаксический компонент правил его употребления. *wuḷ* сосуществует в цахурском языке с другими местоимениями, употребление которых синтаксически ограничено обычным образом – с локальным двойным рефлексивом *wuḷē wuḷ* и с прономиналами. К последним относятся нулевое анафорическое местоимение, а также ненулевые дейктико-анафорические местоиме-

⁶ Примеры (78) и (80–83) взяты из цахурских текстов в [Элементы 1998], записанных и проанализированных Е.Ю. Калининой и Е.А. Лютиковой.

ния *mana*, *ina* “этот” и *šena* “тот”. Являясь в соответствующих позициях синтаксическими вариантами местоимения *wiž*, они вовсе не тождественны ему функционально. Выбор из двух или более местоимений, грамматически равно допустимых в некотором контексте, определяется коммуникативными факторами. Референт местоимения *wiž* должен быть выделен каким-то образом в дискурсе, например, являться тем лицом, с точки зрения которого описывается ситуация в данном предложении или фрагменте текста (эта функция называется фокусом эмпатии), либо этот референт должен быть наиболее активизирован в текущей памяти коммуникантов, – то есть находиться в центре внимания.

Эти функции хорошо прослеживаются на материале нарративных текстов. Такой текст представляет собой некоторую последовательность эпизодов, связанных между собой одинаковым составом центральных участников. Участники событий, описываемых в тексте, не равноправны с точки зрения их коммуникативной значимости. Они могут находиться или не находиться в центре внимания или в фокусе эмпатии всего текста или его эпизода.

Основной текстовой функцией местоимения *wiž* является маркирование фокуса эпизода в неприоритетной синтаксической позиции или в неожиданной семантической или ситуационной роли. Перечислим ниже некоторые случаи, когда может возникнуть необходимость в использовании этого местоимения.

Во-первых, это ситуация, когда референт, находящийся в фокусе внимания эпизода, был временно отодвинут на задний план другими участниками событий. При возвращении этого референта в фокус внимания он скорее всего будет обозначен местоимением *wiž*:

- (80)а. *sa jaḷq-ē malʔallim-ē siRocaʔ-una*
 один раз-ЛОК учитель-ЭРГ поднимать-ПРФ
šuluX haʔa-ni žig-ē, iwhojn:
 шум делать-АТР место-ЛОК говорить.ПРФ

“Один раз учитель велел (ему) встать, в то время [= в месте,] когда (он) шумел, и сказал:

- б. *“iwh-e hižōjē zi halbsaʔad iwho!”*
 говорить-ИМП что я сейчас говорить.ПРФ
 «Скажи, что я сейчас сказал!»
 в. *gojne wiž-ē-d ejh-e-ji hižōjē malʔallim-ē iwho.*
 потом сам-ЭРГ-и говорить-ИПФ-ЭМ что учитель-ЭРГ говорить.ПРФ
 И тогда он повторил [= сказал] то, что говорил учитель.”

В данном эпизоде говорится о непослушном мальчике. В первых двух предложениях он обозначен анафорическим нулем. В (80б) учитель, не находящийся в фокусе внимания рассматриваемого эпизода, становится локальным фокусом внимания. В (80в) внимание опять возвращается к главному герою данного эпизода – к мальчику, и локальный фокус вновь совпадает с фокусом эпизода, что и отражено в выборе местоимения *wiž* для его наименования.

Рассмотрим еще пример:

- (81)а. *emzar-ē iwhojn:*
 Эмзар-ЭРГ говорить.ПРФ
 “Эмзар сказал:
“daḱ, zi qik-e qaltq-as, za-še alX-asin”.
 отец я увозить-ИМП учиться-ИНФ я-ЛОК мочь-
 БУД
 «Отец, повези меня учиться, я смогу.»

б. *“nālXudne wa-še aIX-as, Ru*
 как ты-ЛОК мочь- ты
 БУД

qiIdatq-īnGla maktab-ē”.

учиться.ОТР-ДЕЕПР школа-ЛОК

«Как ты сможешь, ведь [= когда] ты в школе не учился.»

в. *gojne wuž-ur qaltq-as qik-i deš.*
 потом сам-и учиться-ИНФ увозить-ПРФ не.быть
 “И поэтому его учиться не повезли.”

В первом предложении фрагмента упоминается Эмзар, о котором идет речь в данном эпизоде. Далее (81б) главным действующим лицом становится отец (он говорит). В (81в) внимание возвращается к Эмзару, который упоминается в неприоритетной позиции дополнения. Для его наименования выбирается местоимение *wuž*.

Во-вторых, *wuž* может обозначать референт, который находится в фокусе эмпатии, но по семантическим причинам, не зависящим от способа “упаковки” информации в тексте, актант, его обозначающий, занимает менее приоритетную позицию, чем другие актанты. Такую позицию актант может занимать в силу своей роли (роль претерпевающего) в сцене или в ряде сцен:

(82)а. *nimād čalpda-d iḡ-ē-nī, hama-ni*
 какой грязный-и стать-УСЛ-ЭМ этот-АТР
ič-ē haʔ-am-mī deš-dī-xe.
 девочка-ЭРГ делать-ИПФ-МН не.быть-ЭМ-ХАБ

“Какой бы грязной ни была (одежда), эта девочка не переодевалась [= не делала]”.

б. *gojne jed-ē-r aqēq-a hama-na,*
 потом мать-ЭРГ-и держать-ИПФ она-АТР
jič-w-ē qaḡah- a kar-bī, gojne-d
 сестра-ЭРГ снимать-ИПФ вещь-МН потом-и
alaʔ-am-mī temiz-im-mī žē-lqa.
 надевать-ИПФ-МН чистый-АТР-МН сам-ЛОК

Потом мать сама держала ее, сестра снимала одежду, а затем на нее надевали чистое”.

В (82) в центре внимания эпизода находится девочка-грязнуля. В (82б) по смыслу рассказа ИГ, обозначающие этот референт, находятся в неприоритетной позиции претерпевающего (дополнения). В последней из предикаций, входящих в конструкцию (82б), для обозначения этого референта используется местоимение *wuž*.

В-третьих, *wuž* обозначает референт, находящийся в центре внимания, который выступает в ситуационной роли, неожиданной с точки зрения адресата:

(83)а. *iwho wod: “manGu-še aIXa-s deš*
 говорить.ПРФ ВСП этот-ЛОК мочь-БУД не.быть
ma-n kar haʔa-s”.
 этот-АТР дело делать-ИНФ

«(Он) говорит: “Этот не смог бы такое дело сделать”.

б. *iwhojn: “balkan qolpq-una wuž-o-r-na”.*
 говорить.ПРФ лошадь красть-ПРФ сам-быть-I-A
 (Ему друг) отвечает [= говорит]: “Лошадь он самый украл”».

В центре внимания в (83) находится некий человек невзрачного вида, которого рассматривают оба персонажа текста, причем один из них (83а) полагает, что этот человек не подходит для роли смелого и удачливого вора, а другой (83б), используя местоимение *миџ*, утверждает, что именно он и является вором.

Таким образом, текстовые функции употребления *миџ* характерны одновременно для обычных прономиналов типа русск. *он*, обозначающих референт в фокусе эмпатии или в центре внимания эпизода, и для рефлексивов (или выделительных слов, морфологически связанных с рефлексивами) типа рус. *сам*, нем. *selbst* и т.п.

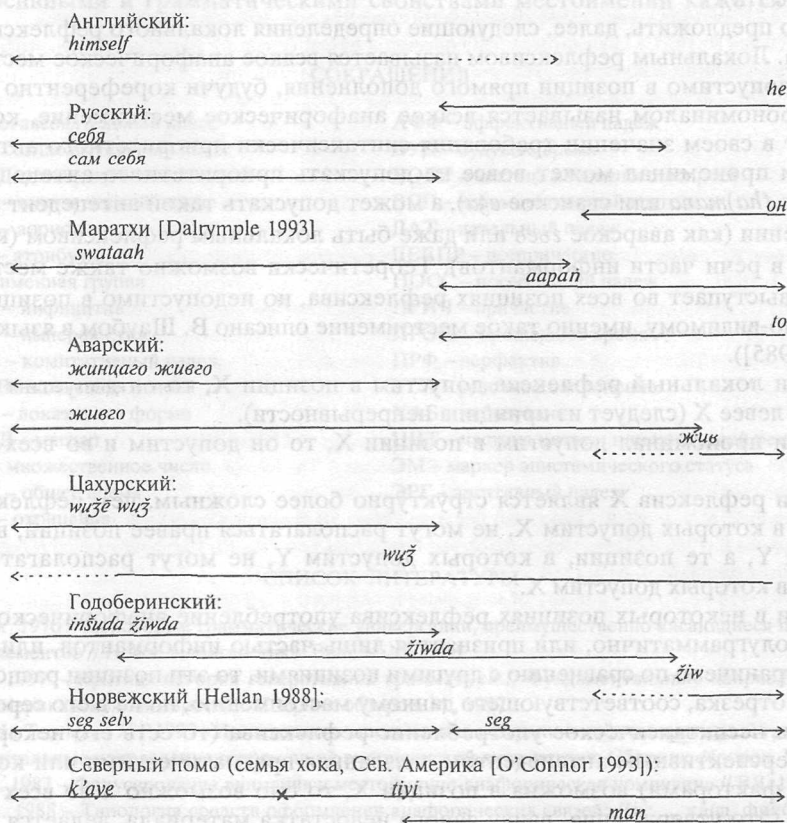
Очевидно, цахурское местоимение *миџ* обладает свойствами, не предусмотренными ни одной из предложенных ранее теорий грамматической анафоры, более того, опровергает их важнейшее исходное предположение о том, что всякое ненулевое анафорическое местоимение должно быть синтаксически ограничено в своем употреблении. Наличие местоимения, вовсе лишнего ограничений, причем не периферийного (как турецкое местоимение *kendisi* с похожими свойствами, на которое указывает М. Энч [Енч 1989]), или одно из местоимений языка нгво (группа банту, [Voorhoeve 1980]), а широко употребительного, подрывает самую основу существующих классификаций. Выясняется, далее, что наличие дискурсных функций, типичных для рефлексива, не имплицитно подразумевает соответствующих синтаксических свойств, см. об этом также [Лютикова 1997].

Итак, материал дагестанских языков позволяет пересмотреть некоторые представления о типологии рефлексивов. Во-первых, в дагестанских языках дистантные рефлексивы обладают полной парадигмой, изменяясь по категориям падежа, числа и согласовательного класса, что опровергает все попытки объяснить их синтаксические свойства морфологической дефектностью. Во-вторых, в годоберинском и цахурском языках позиция прямого дополнения (пациенса при агентивном глаголе), по-видимому, обладает особыми свойствами сравнительно с другими дополнениями: в нем допустим обычно только двойной рефлексив. В-третьих, в цахурском языке обнаруживается местоимение с дискурсивными признаками рефлексива, но без обычных синтаксических ограничений на употребление, свойственных рефлексиву.

3. Универсальная иерархия позиций рефлексива. Приведенный выше материал дагестанских языков позволяет существенно уточнить ту иерархию "областей связывания" для рефлексивов, которая в разных редакциях предлагалась в работах [Manzini, Wexler 1987; Dalrymple 1993] и [Лютикова 1997: 69]. Понятно, что эта иерархия должна включать в себя все более увеличивающиеся структурные "расстояния" от рефлексивного местоимения до антецедента-подлежащего. Назовем "позицией рефлексива" любую синтаксическую позицию для ИГ, маркированную индексом тождественного референта с подлежащим той же предикации или любой предикации, относительно которой данная предикация является зависимой. Выделим следующие позиции рефлексива: прямое дополнение при двухместном глаголе; прямое дополнение при многоместном (битранзитивном) глаголе; коаргументная позиция (актант, сопредикатный с подлежащим); неактантная ИГ, сопредикатная с подлежащим (т.е. сирконстант или составляющая актанта); ИГ, входящая в нефинитную зависимую предикацию; ИГ, входящая в финитную зависимую предикацию.

Суммируем известные нам факты по восьми языкам, соединив отрезками те позиции иерархии, в которых может выступать некоторое местоимение. При этом стрелки будут означать границы области употребления местоимения; отсутствие стрелки справа означает, что данное местоимение употребляется не только в позициях рефлексива, но и как прономинал. Пунктирная часть отрезка означает, что употребление местоимения в данной позиции ограничено, затруднено или признается не всеми информантами.

Свойства посессивных рефлексивов и прономиналов (*свой*, *его*, англ. *his* и др.) требуют отдельного рассмотрения; здесь можно лишь отметить, что в целом позиция посессивного определения является частным случаем позиции неактантной ИГ. Мы оставляем в стороне также вопрос, не является ли позиция подлежащего в финитных

$$Д_{пр}(2\text{местн}) > Д_{пр}(\text{битранз}) > \text{Коаргумент} > \text{НеактантИГ} > \text{ИГ}_{\text{нефин}} > \text{ИГ}_{\text{фин}}$$

и нефинитных зависимых предикациях более приоритетной на данной иерархии в сравнении с позицией любого другого актанта соответствующего типа зависимой предикации – некоторые данные как будто указывают на такую приоритетность: ср. возможность рефлексивного местоимения в роли подлежащего английского инфинитивного оборота (84) *I consider [myself to be intelligent]* "Я считаю, что я умен" или "малой предикации" (85) *I consider [myself intelligent]* с тем же значением (такие ИГ в английском языке, однако, обнаруживают лишь часть признаков подлежащего, см. подробно в [Radford 1988; Napoli 1993]), а также допустимость для части информантов локального рефлексива *swataah* в маратхи в роли подлежащего финитной зависимой предикации (86) *Jane; laa waatte [ki swataa; saglyaat sundar aaho]* "Джейн, (дат) думала [что она; самая красивая была]" [Dalrymple 1993: 19].

Приведенный материал позволяет сделать несколько выводов.

1) Универсальные ограничения на употребление анафорических местоимений имеют вид импликаций вида "Если местоимение Р допустимо в позиции X, то оно же может быть допустимо в позиции Y".

2) Любая позиция рефлексива может быть заполнена хотя бы одним анафорическим элементом (принцип полного заполнения). Отсюда следует, что всякая инновация в системе анафорических местоимений первоначально возникает как синтаксический вариант одного из уже имеющихся местоимений, и лишь затем между ними может возникнуть дополнительное распределение. Такой вариант обычно "нагружен" дискурсивной семантикой (см. обсуждение возможных путей грамматикализации в [Лютикова 1997]).

3) Если местоимение допустимо в позициях рефлексива А и В, то оно же допустимо во всех позициях между А и В на приведенной иерархии (принцип непрерывности).

Можно предложить, далее, следующие определения локального рефлексива и прономинала. Локальным рефлексивом называется всякое анафорическое местоимение, которое допустимо в позиции прямого дополнения, будучи кореферентно подлежащему. Прониминалом называется всякое анафорическое местоимение, которое не содержит в своем значении требования синтаксически приоритетного антецедента. При этом прономинал может вовсе не допускать приоритетного антецедента (как цахурское (*ha*)*mana* или сванское *eža*), а может допускать такой антецедент в главном предложении (как аварское *zyev* или даже быть локальным рефлексивом (как цахурское *wiž* в речи части информантов). Теоретически возможно также местоимение, которое выступает во всех позициях рефлексива, но недопустимо в позиции прономинала (по-видимому, именно такое местоимение описано В. Шаубом в языке бабунго [Schaub 1985]).

4) Если локальный рефлексив допустим в позиции X, то он допустим и во всех позициях левее X (следует из принципа непрерывности).

5) Если прономинал допустим в позиции X, то он допустим и во всех позициях правее X.

6) Если рефлексив X является структурно более сложным, чем рефлексив Y, то позиции, в которых допустим X, не могут располагаться правее позиций, в которых допустим Y, а те позиции, в которых допустим Y, не могут располагаться левее позиций, в которых допустим X.

7) Если в некоторых позициях рефлексива употребление анафорического местоимения полуграмматично, или признается лишь частью информантов, или дополнительно ограничено по сравнению с другими позициями, то эти позиции располагаются по краям отрезка, соответствующего данному местоимению, но не в его середине.

8) Если несинтаксическое употребление рефлексива (то есть его некореферентность с перспективным антецедентом, вызванная прагматическими или коммуникативными факторами) возможна в позиции X, то оно возможно и во всех позициях правее X (это утверждение, ввиду явного недостатка материала, делается в предположительной модальности). Здесь особо примечательно цахурское *wiž*, допускающее несинтаксическое употребление во всех без исключения позициях.

Утверждения 1)–8) представляют собой обобщения, но еще не объяснения наблюдаемых фактов. Вслед за [Manzini, Wexler 1987], их можно истолковать в духе порождающей грамматики как элемент исходной базы знаний, на основании которого синтаксические ограничения эффективно устанавливаются при овладении языком, несмотря на разрозненность и недостаточность информации, доступной для ребенка. Однако, например, "принцип непрерывности", в отличие от "принципа подмножества" Манзини и Уэкслера, который гласит, что установка значения грамматического параметра при овладении языком происходит в соответствии с односторонней импликационной иерархией ("если рефлексив может употребляться в позиции ИГ в нефинитной зависимой предикации, то он может употребляться и в главной предикации" и т.п.), содержит несколько более сложное иерархическое соотношение и, соответственно, требует большего количества исходных данных для фиксации нужного значения параметра.

Что касается соотношения структурной сложности и локальности рефлексивов, наиболее естественный путь объяснения – через грамматикализацию фокуса эмпатии и других дискурсивных категорий [Лютикова 1997]. Несмотря на то, что Е.А. Лютиковой не удалось выявить конструкцию, которая была бы непосредственным источником грамматикализации двойного рефлексива (ср. структурное и семантическое различие между дискурсивным *сам* (87) [*Сам Генрих III*] *объявил себя главой Лиги* и конструкцией с двойным рефлексивом (88) *Генрих III [сам себя] объявил главой Лиги*), корреляция между дискурсивной маркированностью, структурной маркирован-

ностью и локальностью была достаточно убедительно обоснована в этой работе, поэтому дальнейшее исследование объяснительных возможностей соотношения между дискурсивными и грамматическими свойствами местоимений кажется перспективным.

СОКРАЩЕНИЯ

I – I согласовательный класс	АФФ – аффективный падеж
II – II согласовательный класс	БУД – будущее время
III – III согласовательный класс	ВОПР – частица косвенного вопроса
АКК – аккузативный падеж	ВСП – вспомогательный глагол
АОР – аорист	ДАТ – дательный падеж
АТР – атрибутив	ДЕЕПР – деепричастие
ИГ – именная группа	ПОСС – посессивный падеж
ИНФ – инфинитив	ПРИЧ – причастие
ИПФ – имперфектив	ПРОШ – прошедшее время
КОМ – комитативный падеж	ПРФ – перфектив
КОСВ – косвенная основа	УСЛ – условное наклонение
ЛОК – локативная форма	ХАБ – хабицуалис
МАСД – масдар	ЦИТ – частица цитаты или косвенной речи
МН – множественное число	ЭМ – маркер эпистемического статуса
ОБЩ – общее время	ЭРГ – эргативный падеж
ОТР – отрицание	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринберг Дж. 1970 – Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. V. М. 1970.
- Бейлин Дж. 1997 – Краткая история генеративной грамматики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М., 1997
- Казенин К.И., Тестелец Я.Г. 1997 – Исследование синтаксических ограничений в генеративной грамматике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. М. 1997.
- Кириков А.А. 1987 – Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация // ВЯ. 1987. № 3.
- Кириков А.А. 1988 – Типология средств оформления анафорических связей: Дис. ... канд. филол. наук. М. 1988.
- Кириков А.Е. 1979 – Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 126. М. 1979.
- Кириков А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. 1992.
- Кириков А.Е., Богданова Е.А. 1995 – Сам как оператор коррекции ожиданий адресата. // ВЯ. 1995. № 3.
- Кинэн Э. 1982 – К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М. 1982 (1976).
- Кинэн Э., Комри Б. 1982 – Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М. 1982.
- Климов Г.А. 1977 – Типология языков активного строя. М. 1977.
- Козинский И.Ш. 1980 – Некоторые универсальные особенности систем склонения личных местоимений // Теория и типология местоимений. М. 1980.
- Козинский И.Ш. 1983 – О категории "подлежащее" в русском языке // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 156. М. 1983.
- Козинский И.Ш. 1995 – Корреляция между порядком аффиксов глагольного спряжения и порядком слов в языках // ВЯ. 1995. № 1.
- Лютикова Е.А. 1997 – Рефлексивы и эмфаза // ВЯ. 1997. № 6.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Падучева Е.В. 1983 – Возвратное местоимение с косвенным антецедентом и семантика рефлексивности // Семиотика и информатика. Вып. 21. М., 1983.
- Элементы 1998 – Элементы грамматики цахурского языка в типологическом освещении. М. 1988 (в печати).
- Anderson S. 1983 – Types of dependencies in anaphors: Icelandic (and other) reflexives // Journal of linguistic research. V. 2. № 1. 1983.

- Battistella E. 1989 – Chinese reflexivization: a movement to INFL approach // *Linguistics*. V. 27. 1989.
- Bailyn J.F. 1992 – LF movement of anaphors and acquisition of embedded clauses in Russian // *Language acquisition*. V. 2. № 4. 1992.
- Borer H. 1984 – Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht, 1984.
- Bresnan J., Kaplan R. 1995 – Lexical-functional grammar: a formal system for grammatical representation // *Formal issues in lexical-functional grammar*. Stanford. 1995.
- Chomsky N. 1970 – Remarks on nominalization // *Readings in English transformational grammar*. Waltham, Mass. 1970.
- Chomsky N. 1980 – On binding // *Linguistic inquiry*. V. 11. № 1. 1980.
- Chomsky N. 1981 – Lectures on government and binding. Dordrecht. 1981.
- Clements N. 1975 – The logophoric pronouns in Ewe: its role in discourse // *Journal of West African languages*. V. 10. № 1. 1975.
- Cole P., Hermon G., Li-May Sung. 1990 – Principles and parameters of long-distance reflexives // *Linguistic inquiry*. V. 21. № 1. 1990.
- Cole P., Wang C. 1996 – Antecedents and blockers of long-distance reflexives: the cause of Chinese *ziji* // *Linguistic inquiry*. V. 27. 1996.
- Dalrymple M. 1993 – The syntax of anaphoric binding. Stanford. 1993.
- Edmondson J., Plank F. 1978 – Great expectations: an intensive SELF-analysis. // *Linguistics and philosophy*. V. 2. № 3. 1978.
- Enç M. 1989 – Pronouns, licensing, and binding // *Natural language and linguistic theory*. V. 7. № 1. 1989.
- Foley W. 1993 – The conceptual basis of grammatical relations // *The role of theory in language description*. Berlin; New York. 1993.
- Foley W., Van Valin R.D. jr. 1984 – Functional syntax and universal grammar. Cambridge. 1984.
- Gibson J., Raposo E. 1986 – Clause Union, the Stratal Uniqueness Law, and the Chômeur relation // *Natural language and linguistic theory*. V. 4. № 3. 1986.
- Giorgi A. 1983–1984 – Toward a theory of long distance anaphors: a GB approach // *The Linguistic review*. V. 3. 1983–1984.
- Givón T. 1983 – Topic continuity in discourse: an introduction // *Topic continuity in discourse*. Amsterdam. 1983.
- Harbert W. 1995 – Binding theory, control, and *pro* // *Government and binding theory and the minimalist program*. Oxford, 1995.
- Harris A.C. 1981 – Georgian syntax. A study in relational grammar. Cambridge. 1981.
- Hawkins J.A. 1994 – A performance theory of order and constituency. Cambridge. 1994.
- Hellan L. 1988 – Anaphora in Norwegian and the theory of grammar. Dordrecht. 1988.
- Hestvik A. 1991 – Subjectless binding domains // *Natural language and linguistic theory*. V. 9. № 3. 1991.
- Huang C.-T.J. 1982 – Logical relations in Chinese and the theory of grammar. Ph. D. dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Huang C.-T.J., Tang C.-C.J. 1991 – The local nature of the long-distance reflexive in Chinese // *Long-distance anaphora*. Cambridge, 1991.
- Huybregts M.A.C. 1979 – On bound anaphora and the theory of government-binding // *North-Eastern linguistic society* 10. Ottawa, 1979.
- Iatridou S. 1986 – An anaphor not bound in its governing category // *Linguistic inquiry*. V. 17. № 4. 1986.
- Katada F. 1991 – The LF representation of anaphors // *Linguistic inquiry*. V. 22. № 2. 1991.
- Kuno S. 1987 – Functional syntax: anaphora, discourse and empathy. Chicago, 1987.
- Langacker R. 1969 – On pronominalization and the chain of command // *Modern studies in English*. Prentice-Hall, 1969.
- Lasnik H. 1989 – Essays on anaphora. Dordrecht, 1989.
- Manzini M.R., Wexler K. 1987 – Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic inquiry*. V. 18. № 3. 1987.
- Mohanan K.P. 1982 – Grammatical relations and anaphora in Malayalam // *MIT working papers in linguistics*. Papers in syntax. Camb., Mass. 1982.
- Napoli D.J. 1993 – Syntax. Theory and problems. New York; Oxford. 1993.
- O'Connor M. 1993 – Anaphora and switch reference in Northern Pomo // *The role of theory in language description*. Berlin; New York. 1993.
- Pica P. 1987 – On the nature of the reflexivization cycle // *Proceedings of NELS 17*. V. 2. Amherst Mass. 1987.
- Radford A. 1988 – Transformational grammar. A first course. Cambridge. 1988.
- Rappaport G. 1986 – On anaphor binding in Russian // *Natural language and linguistic theory*. V. 4. 1986.
- Reinhart T. 1981 – Definite NP anaphora and c-command domains // *Linguistic inquiry*. V. 12. 1981.
- Reinhart T. 1983 – Anaphora and semantic interpretation. Chicago. 1983.
- Reinhart T., Reuland E. 1991 – Anaphors and logophors: an argument structure perspective // *Long-distance anaphora*. Cambridge. 1991.
- Reinhart T., Reuland E. 1993 – Reflexivity // *Linguistic inquiry*. V. 24. № 4. 1993.

- Saxon L.A. 1986 – The syntax of pronouns in Dogrib (Athapaskan): some theoretical consequences. Doctoral dissertation. The University of California, San Diego. 1986.
- Schaub W. 1985 – Babungu. London, 1985.
- Sells P. 1987 – Aspects of logophoricity // Linguistic inquiry. V. 18. № 3. 1987.
- Siewierska A., Bakker D. 1996 – The distribution of subject and object agreement and word order type // Studies in language. V. 20. 1996.
- Silverstein M. 1976 – Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages. Canberra. 1976.
- Spertliche D. 1986 – Zibun // Linguistic inquiry. V. 17. № 2. 1986.
- Tang Ch.-Ch.J. Chinese reflexives // Linguistic inquiry. V. 7. № 1. 1989.
- Thránsson H. 1991 – Long-distance reflexives and the typology of NPs // Long-distance anaphora. Cambridge. 1991.
- Vikner S. 1985 – Parameters of binder and binding category in Danish // Working papers in Scandinavian syntax. V. 23. 1985.
- Voorhoeve J. 1980 – Le pronom logophorique et son importance pour la reconstruction du proto-bantou // Sprache und Geschichte in Afrika. 2. 1980.
- Wasow T. 1979 – Anaphora in generative grammar. Ghent. 1979.
- Wiesemann U. 1988 – Grammaticalized coreference // Pronominal systems. Tuebingen. 1988.
- Yang D.-W. 1983 – The extended binding theory of anaphora // Linguistic research. V. 19. № 2. 1983.
- Zribi-Hertz A. 1989 – Anaphor binding and narrative point of view: English reflexive pronouns in sentence and discourse // Language. V. 65. № 4. 1989.